

ДИСКУРС ПАТРИОТИЗМА: ОТ МНОГООБРАЗИЯ К МОНОПОЛИИ

Фан
Ирина Борисовна

доктор политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

В средствах массовой коммуникации до 2000-х годов присутствовали различные идеологические представления о гражданственности и патриотизме. Однако в последние годы официальный дискурс был направлен на «упорядочение» публичной сферы и массового сознания в соответствии с интересами действующей власти. Весьма громко заговорили о необходимости гражданского воспитания, понимаемого исключительно в военно-патриотическом, православном и даже верноподданническом духе. Либерально-демократический дискурс политической культуры (гражданственности) был отеснен на периферию публичной сферы, подвергнут «разоблачающей» критике. Произошло замещение общественной потребности в участии граждан в управлении обществом и государством потребностью власти в конструировании «нетребовательного политического потребителя», создаваемого в целях самосохранения власти. Сместились и акценты: в структуре политической культуры граждан, которую должны культивировать учебные и воспитательные учреждения, подчеркивалась необходимость лояльности власти и замалчивались ценности партиципации. Однако официально навязываемое понимание гражданственности абстрактно и не сводится лишь к лояльности. Гражданственность – комплексное качество

гражданина как субъекта общества, политики и права. Поскольку в разные исторические эпохи понятие гражданина наполнялось разным содержанием, то речь может идти о разных исторических типах гражданина и гражданственности (политической культуры или этоса гражданина), а также о многообразии идеологических дискурсов гражданственности в европейском и российском социально-политическом пространстве¹.

Практическая актуальность исследования реальной политической культуры россиян как ментального измерения феномена российского гражданина состоит в том, что именно политическая культура нации и гражданина является основанием легитимности институционального порядка властвования. Даже в целях конструирования объекта власти необходима опора на реально существующую культуру и ментальные установки населения. Однако не меньшую роль в политике играет та или иная интерпретация содержания политической культуры конкретного общества, ее сегментов и каждого ее члена, поскольку от этого зависит вектор будущего развития. Наличие и конкуренция различных идеологических интерпретаций содержания политической культуры – либеральной, консервативной, социалистической, социал-демократической создают возможность более адекватного отражения интересов и потребностей разных групп общества.

Прежде, чем выявить характеристики разных версий российского патриотизма и его место в политической культуре россиян, коротко рассмотрим структурные элементы любой политической культуры. Политическую культуру (гражданскую идентичность или гражданственность) американской нации С. Хантингтон определяет через политико-правовые, идеологические, культурные, социально-психологические признаки, основу которых составляет англо-американо-протестантская культура; ее форму-

ла – «лояльность, патриотизм, идентичность»². При этом лояльность включает пассивные и активные моменты, последние обозначаются через понятие гражданского участия. Эту формулу можно использовать как структурный инвариант, который предусматривает конкретное социокультурное наполнение. Патриотизм в условиях современности – это лишь один из элементов гражданственности гражданина или нации (как политической общности) в рамках национального государства.

Результаты социологических исследований общественного мнения, полученные Левада-Центром³, позволяют судить о состоянии политической культуры массового индивида, о наличии и уровне патриотизма. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от общественных и государственных дел. Массовое ощущение констатирует незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ. Наше предположение состоит в том, что между отчуждением населения от политики (и соответственно, политической и социальной пассивностью) и отсутствием патриотизма существует глубокая связь.

Низкая степень причастности граждан государственной власти порождается не только инерцией традиций советской политической системы, но является следствием целенаправленных мер отстранения человека от власти, предпринимаемых в последние годы. Состояние политического отчуждения раскрывается посредством такого признака, как «моральная ответственность». Соответствующие ментальные установки перекликаются с институциональным (конституционным) статусом гражданина, связанным с институтом гражданства. Воспроизводство данного института зависит не только от политических и правовых институтов, но и от соответствующих ментальных установок – как со стороны должностных лиц, носителей государственной власти, так и со стороны гражданина, и в том числе – готовности выполнять обязательства (права и обязанно-

сти), нести ответственность (политическую, юридическую, моральную). От гражданина требуется выполнять сложную роль субъекта демократической политической системы: воспринимать частные и публичные права и свободы гражданина, выполнять обязанности по отношению к обществу и государству – платить налоги, нести воинскую службу, пользоваться правами собственника, участника различного рода правоотношений, активными и пассивными правами избирателя и т. д. От государства требуется обеспечить законодательную фиксацию и исполнение законов, устанавливающих равные для всех граждан права и свободы, что подразумевает ответственность органов власти и должностных лиц за надлежащее исполнение обязанностей государства перед гражданами. Однако в последние годы демократические требования государства к населению, касающиеся исполнения роли гражданина, как и требования по отношению к должностным лицам, фактически сняты.

В исследовании Левада-Центра взят узловой аспект взаимодействия, двусторонней связи гражданина и государства – динамика «моральной ответственности» человека за действия властей и происходящее в стране. «После разрушения советской модели... «безусловное» отрицание всякой моральной ответственности человека за власть и страну неизменно и значительно преобладает над «безусловным» ее принятием»⁴. Взаимный обман и невыполнение обязанностей – наиболее часто упоминаемые характеристики, свидетельствующие о показном, «лукавом» характере зависимости граждан от государства. На наш взгляд, именно с этим связан низкий уровень патриотизма населения, причем, и по отношению к властям (если понятие «отцов» отождествляется с должностными лицами), но и по отношению к обществу (как социальному наследству от предков, как «отечеству»), поскольку общество пронизано социальным недоверием.

В рамках официального политического дискурса происходит идеологизация понятия политической культуры населения. «...Понятие «политической культуры» выполняет в публичном дискурсе две основные (и взаимосвязанные) функции: оно работает на конструирова-

ние коллективных идентичностей (граждан, членов нации, «большинства» и т. д.) и служит для обоснования тех или иных политических программ»⁵. Из комплекса характеристик политической культуры гражданина (нации), обобщенных в формуле «патриотизм, идентичность, лояльность», официальный политический дискурс фактически поддерживает лишь лояльность высшим государственным лицам. Собственно патриотизм и сводится к признанию высшего лица государства – «лидера нации». Идентичность массового человека носит неопределенно негативистский характер⁶. Патриотизм, получивший в последнее время гипертрофированную поддержку, оборачивается усилением позиций русского национализма⁷. Власти продолжают политику потворства национал-патриотическим силам, играя в очень опасную игру разжигания конфликтов и «управления» ими. В официальном дискурсе доминирует установка на лояльность и патриотизм, комплекс демократического участия представлен лишь в декларативно-имитационной форме. Идеологи «Единой России» сконструировали собственную модель коллективной идентичности, эклектически соединяющей идейные фрагменты коммунистической, либеральной и православно-консервативной идеологии. Цель данного идеологического конструкта – легитимация действующего политического режима. Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) в этой модели продиктован стремлением идеологов правящей партии уйти от политики ельцинского периода и вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации. Вместо последних предлагается возрождение традиций имперского прошлого и «русской» культуры. Образ русской политической культуры, который «единороссы» стремятся утвердить в общественном сознании, построен на утверждении «духовной и культурной самобытности России», которая заключается в абсолютной ценности государства, признании его в качестве главного фактора национальной самоидентификации, в идеале «единства власти и народа», в склонности к идеократии, основанной на православной вере в Россию как сверхдер-

жаву; в приверженности официальному лидеру страны, соборности, в моральном понимании социальной справедливости и т. п.

В публичном пространстве присутствуют и, на первый взгляд, иные варианты патриотического дискурса. Патриотизм с точки зрения коммунистической идеологии – это «любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу. Подлинный патриотизм – борьба за лучшее для народа и социальный прогресс, за социализм и коммунизм. Он несовместим с буржуазным национализмом и космополитизмом и нераздельно связан с пролетарским интернационализмом»⁸. Это определение советского времени сейчас несколько обновлено и, за исключением «борьбы за коммунизм», вписывается в тот же официальный дискурс власти. Характеристики патриотизма – ложный и настоящий, подлинный и неподлинный, меняются на противоположные в зависимости от идеологии и социально-политических интересов, которые она выражает. Каждая из идеологий объявляет ложным патриотизм собственного идеологического противника, оппозиции. Все зависит от социальной группы, субъекта, интерпретирующего отношение к родине, оппозицию всегда обвиняют в антипатриотизме.

Более сложную модель коллективной идентичности представляют либералы. Наряду с традиционными «константами» в современной российской политической культуре они видят сегмент, ориентированный на нормы либерально-демократической культуры. В соответствии с данной моделью, российская политическая культура представляет собой конфликт различных субкультур⁹.

Однако наибольшее распространение получили определения, подобные следующему: «Патриотизм – это ощущение духовной связи с Отечеством, с Россией, это любовь к ее прошлому и настоящему, это надежда и вера в ее будущее»¹⁰. Попытаемся дать анализ этого определения, выявить его смысл, а главное – социального субъекта, в интересах которого оно дается. На первый взгляд, это бесспорное положительное утверждение. Оно кажется таковым в силу того, что является традиционным и относится к стереотипам общественного сознания. Но стоит поразмыслить над ним, как выявляется

то, что это пустая абстракция, поскольку здесь нет никакого указания на социокультурный и исторический контекст данного явления, нет характеристики субъекта, общности, которая ощущает связь с «отцами». Неопределенно безлично подразумевается некое «мы», население, живущее на данной территории в настоящее время. Однако даже базовое гуманитарное знание свидетельствует, что существуют разные исторические типы общностей – род, племя, семья, община, нация. В каждом из типов, очевидно, должна по-разному ощущаться эта «духовная связь» с предками, поскольку все они имеют разные признаки и характеристики.

Казалось, понимание патриотизма как «любви к прошлому» связано с исторической памятью общества и предполагает пристальное изучение исторических источников. Но, несмотря на декларации о необходимости знать свою историю, на принятие в 1990-е годы ряда законов о рассекречивании документов советского периода, об открытии доступа к архивам и т. д., для российских историков по-прежнему не обеспечена возможность изучать источники, поскольку обеспечивается лишь весьма ограниченный и обусловленный множеством препятствий доступ к важнейшим архивам – ЦА ФСБ, архиву президента РФ и другим¹¹.

Таким образом, первое, от чего надо отказать при определении патриотизма, это от его абстрактного характера – внеисторического, внеконтекстуального, бессубъектного. Патриотизм историчен, контекстуален, у него всегда есть конкретный социальный субъект, наполняющий его специфическим содержанием.

В анализируемом определении важную роль играют религиозные категории – вера, надежда, любовь, трактуемые с точки зрения православия. Это религиозное содержание дает нам понимание патриотизма вневременного (вечного), внеконтекстуального, бессубъектного. Данное содержание патриотизма и сохраняется в различных словарях и официальном политическом дискурсе. Но ведь такое определение автор адресует российскому обществу конца XX – начала XXI века, которое обладает специфическими характеристиками?!

По Конституции РФ мы живем в светском государстве, где уважаются права каждого

на свободу совести. Религия является частным делом каждого человека в российском государстве. Значит, консервативно-православная трактовка патриотизма – это попытка части общества навязать всему обществу свое понимание, то есть выдать частное за всеобщее. Частным здесь является религиозное – православное понимание. Характеристика «частное» не означает неуважения к православию, она ставит его лишь в ряд с другими версиями патриотизма, признает право представителей других конфессий, безрелигиозных людей и атеистов на собственное отношение к Родине. К тому же любовь в данном определении фигурирует неопределенная, абстрактная, слепая – к прошлому и настоящему. Но и прошлое (российская история), и настоящее (со всеми его проблемами и противоречиями) может по-разному интерпретироваться и оцениваться разными слоями населения, с разных политических, идеологических и научных позиций. Прошлое не однозначно, к тому же разными поколениями переоценивается, а разными властями, как правило, переписывается. И любовь, как и надежда и вера, может быть не только «слепой», но и критичной, разумной, понимающей, мудрой, различающей доброе и злое, а главное – реальное. Современное понимание патриотизма должно учитывать и многоконфессиональность российского общества, и численность неверующих и атеистов, и светский характер российского государства.

Невозможно раз и навсегда определить патриотизм. Каждое поколение людей делает это по-новому. Приобретенный исторический опыт в рамках конкретного поколения также вносит вклад в конкретное содержательное наполнение патриотизма. Социокультурный контекст патриотизма включает целый набор институциональных и ментальных признаков и характеристик социальной группы (общности) или индивида: социальный статус, экономический статус, масштаб включенности в международные экономические, политические, культурные связи, политический и правовой статус, знания, нормы, ценности, психологические установки, приверженность той или иной субкультуре и т. д. В зависимости от сочетания данных характеристик и патриотизм будет наполнен различными

чертами и оттенками. Даже на уровне здравого смысла ясно, что отношение к Отечеству будет разным у сына крупного партийного деятеля советского времени, сумевшего приватизировать какую-то часть госсобственности, и у потомка человека репрессированного или представителя депортированного народа. Также важно, как понимается само Отечество, это общество (как совокупность потомков исторических «отцов») или это государство (государственный аппарат, номенклатура), или нечто безличное, где смешаны и то, и другое? «Подлинным патриотам» свойственно отождествление общества (отечества, Родины) и государства. Любая критика просчетов государственного управления консервативными патриотами воспринимается как «подрыв нашей веры в будущее». Однако вера в будущее и слепая апология власти – не одно и то же. Криминализация (деморализация и т. д.) населения ими трактуется как отход от истинной веры, как результат искушения либерализмом.

Еще один оттенок понимания патриотизма с православных позиций – нетерпимость к инакомыслящим. «Православные патриоты», монополизировавшие право на трактовку патриотизма, довольно агрессивно настроены по отношению к тем, кто подвергает сомнению или критике это сакральное отношение к «отцам» (Отечеству), кто пытается рационально анализировать прошлое и настоящее. В таковых они видят «кошунствующих» или «врагов». Консервация от века существующего содержания «любви к Отечеству» тесно связана с воинственным противостоянием всякому иному отношению к тем или иным явлениям российского прошлого и настоящего, отличающемуся от «канонов». Православный патриотизм не учитывает социальных, политических, культурных, информационных изменений в обществе. В своем фанатическом неприятии любых содержательных изменений православные активисты не видят, что меняется содержание патриотизма по сравнению с прошлыми историческими этапами эволюции Русской православной церкви и православной общественности. Их захлестывают инициативы, предполагающие вторжение РПЦ в светское среднее и высшее образование, армию, правоохранительные ор-

ганы, УФСИН и т. д. Они стремятся установить цензуру над СМИ, издательской деятельностью и интернетом. Перед нами консервативная идеология, направленная на сохранение существующего политического порядка и служащая сохранению власти верхушкой бюрократии, номенклатуры, подмявшей под себя крупный бизнес. Апеллируя к ценностям любви, истинной веры и нравственности общества, «патриоты» фактически манипулируют массовым сознанием во имя мобилизации сторонников и прикрытия личных и групповых интересов.

Сакрализация ценностей, присущая религии, иногда играет злую шутку с православными патриотами-монополистами. В частности, они объявляют святынями русский литературный язык или А. С. Пушкина. Да, это ценности для россиян, но нельзя абсолютизировать эти ценности и не позволять новым поколениям вносить в них изменения, посвятому их воспринимать. Думаю, Александр Сергеевич удивился бы, если бы узнал, что его канонизировали в качестве святого. Почему нельзя читать его произведения с уважением, но без низкопоклонства? Обратной стороной сакрализации и абсолютизации ценностей становится нетерпимость и стремление изгнать (уничтожить) инакомыслящих. Эта установка приводит иногда к возникновению радикальных форм «патриотизма». Некоторые группы «патриотов» говорят, что они не христиане (!), выступают за объединение нацболов, коммунистов, евразийцев, позитивных русских мусульман и патриотических сатанистов, за захват политической власти, уничтожение всех врагов, торжество православия они связывают с разрушением западной культурной идентичности¹². Более чудовищной и вредоносной смеси консервативных, православных, патриотических и нацистских построений придумать сложно.

Ни одно из пониманий патриотизма не должно иметь монопольного права на истину и подлинность. Другое дело, что различные трактовки патриотизма могут и имеют общую ценностную основу: уважение «отцов» (истории), но не их (ее) культ, возможность разного отношения к ним в рамках общих правил, которые должны определяться через исключение крайностей – полного отрицания собственной

истории и полного безоглядного ее одобрения. Хорошо бы сделать правилом стремление к разумному, умеренному приятию российской истории. Всякая гипертрофия опасна и чревата разжиганием социальных конфликтов. Меняется жизнь, а с нею и наши представления о ценном в ней. Инвариантные ценности корректируются, трансформируются, обновляются. Взаимосвязь Традиции и Современности систематически переосмысливается. И литературный язык, и отношение к А. С. Пушкину все время меняются. Само изменение – и в жизни, и в культуре есть переработка и развитие исходной ценностной основы. И у наших отцов были достижения и промахи, а у некоторых – и преступления. Не считать же сакральным все без разбора! И любовь к «отцам» в каждый момент истории конкретна, специфична, уникальна, и одновременно есть в ней тот самый инвариант – общие для всех ценности, определяемые генетическим происхождением и социокультурной преемственностью.

Личность в зависимости от собственного опыта, образования и других характеристик тоже имеет право на собственное отношение к Родине, перекликающееся с пониманием патриотизма в масштабах больших социальных групп и общества в целом. Все эти факторы оказывают влияние на представления человека о его отечестве и месте его самого в этом отечестве. Это и определяет характер конкретного индивидуального патриотизма. Д. Драгунский написал, что в современной российской кинопатриотике, «застрававшей в сетях взаимоисключающих исторических концепций», есть две беды – путаница понятий и неискренность¹³. Он критиковал заказной военно-победоносный патриотизм в российском кино, который призван вызывать гордость и восторг за Родину. Автор склонен считать такой подход искусственным и имеющим эффект, противоположный ожиданиям. Для него патриотизм – скорее грусть и ностальгия, в нем важна искренность. Это чувство часто возникает, когда родина утрачена. Российские граждане в настоящее время не лояльны государству, с которым зачастую отождествляют родину. Для Д. Драгунского основанием патриотизма является не прагма-

тизм, но нежное индивидуальное чувство любви как страдания и переживания сопричастности. Заказное военно-патриотическое воспитание не может быть эффективным.

В понимании патриотизма особую роль играет этнический аспект. Имеют значение характер и масштабы общности, приверженность к которым фиксирует это сознание. Этнический слой в патриотизме задает консервацию происхождения, чистоты этноса, которому должен быть предан конкретный человек. Этническое, связанное с бессознательным, архетипическим, содержит исходное противопоставление своего этноса и чужого, наших и чужих «отцов», друзей и врагов. Отсюда и в современности противопоставления русских и нерусских, под которыми могут подразумеваться представители любых народов. Однако зачем продолжать войны наших отцов, когда забыты их причины и поводы и установилась иная повестка жизни, иная социальная организация, иная культура? Неужели войны прошлого необходимо вести в настоящем? Не пора ли поставить вопрос о возможности патриотизма без противопоставления – этнического, конфессионального, политического?

Мышление посредством комплекса бинарных оппозиций этнических (русские/нерусские) и религиозных (православные/неправославные) *своих и чужих* заряжено потенциальными конфликтами. Оно усиливается еще и противопоставлением подлинного и неподлинного. Это статичная консервативная логика, не учитывающая исторических изменений, контекстуальности происходящего, не выясняющая глубоких причин тех или иных явлений в реальности, но сводящая все к этническим или религиозным факторам. Сюда относятся и мотивы «унижения русского народа», ущемления национального достоинства русских, «антипатриотического помрачения, противопоставляющие все «подлинно русское» всему нерусскому – «западному» и т. п. Необходимо считать допустимым множество интерпретаций патриотизма, различные мнения в отношении к проблемам общества и государства, нужно стремиться не к полярным, но к взвешенным умеренным мнениям, предполагающим приятие родины, но и воз-

возможность анализа ошибок «отцов», критики тех или иных политических решений, приведших к тем или иным социальным проблемам. Многообразие понимания патриотизма, на наш взгляд, укладывается в диапазон, границы которого заданы оппозицией сакральное/профанное (прагматическое, повседневное).

«Патриот» (греч.) – соотечественник, значит, патриотизм в исходном значении слова – приверженность, любовь к родине (отечеству)¹⁴. Патриотизм включает знание, чувство и практическое осуществление связи с соотечественниками в прошлом и настоящем. Главное – связь не только с территорией и природой, но с людьми, жившими или живущими на этой территории, среди этих природных и социокультурных условий, с людьми, у которых есть общий исторический опыт – опыт переживаний (национальных достижений, общей радости, труда, войны, реформ, экономических депрессий и т. д.). Эта связь может устанавливаться и через предметы – духовные и материальные ценности, в которые вложены опыт, навыки, чувства предков. Инвариантным ядром патриотизма является уважение ко всему тому, благодаря чему ты стал человеком, прежде всего – уважение к предкам прямым и косвенным, людям – создателям, чей труд лег в основу нынешних условий твоей жизни, к тем, кто создал Общее благо – совокупность материальных и духовных ценностей, которыми можно пользоваться и гордиться в настоящее время. Это еще и личная ответственность за полученное в наследство, и право переосмысливать, интерпретировать и производить Общее Благо в соответствии с собственным пониманием. Нельзя патриотическое сознание сводить лишь к чувствам, в его структуре дифференцируются рациональный, чувственно-эмоциональный и практический уровни. Важно, чтобы все эти элементы не возгонялись до крайностей и не основывались на исключительно этнических или религиозных догматах и взглядах. Иначе патриотизм может играть неблагоприятную роль побудителя социального и политического напряжения, внутривнутриполитических и международных конфликтов. Абсолютизация крайностей ведет к формированию различного рода

социальных и политических фобий (например, страха перед «мировой закулисой»), ксенофобии, изоляционизма, расизма, великодержавного шовинизма и т. д.

Произошла девальвация слова «патриотизм» в глазах населения. Парадокс заключается в том, что патриотами называют себя люди, стремящиеся законсервировать какие-то ценности прошлого. Но они, очевидно, и не подозревают, что блюсти неприкосновенность сакральных ценностей они призывают под словом «патриотический», которое относится к варваризмам¹⁵, чужеродным заимствованным словам, образованным не по нормам русского языка. Слово «патриотизм» пришло в русский язык из греческого и меняется вместе с исторической эволюцией русского литературного языка как основы культуры. Призыв сохранить в неизменности литературный язык, культуру и патриотизм утопичен, он лишает нынешние поколения людей права на собственное прочтение созданного ранее и творчество новых ценностей. Эволюция слова «патриотизм» в российской культуре и многообразие его значений – «патриотам» наука. Хранить чистоту и неизменность веры, языка, культуры, расы – и сложно, и не нужно. Жизнь и культура (общество, современность) смешивают все формы и явления, связывают в различные взаимозависимые образования. И требования хранить «чистоту» явлений оказываются связанными с репрессиями над жизнью, культурой, людьми.

Отношение большинства россиян к Родине и государству складывается в контексте присутствующего современной российской культуре разрыва между абстрактным и конкретным, должным и сущим, имитационно-декларативным и фактическим, формальным и неформальным, сакральным и профанным, абсолютным и относительным, официально утверждаемым долгом каждого россиянина и нежеланием его исполнять этот долг в силу множества причин. Причем, этот разрыв массами ощущается все более апатично, полюс должного (сакральной любви к Родине) переживается все более равнодушно, поскольку им слишком часто злоупотребляли. На самом деле это довольно плачевная ситуация, но выход из нее подскажет не манипуляция обще-

ственным сознанием, но серьезное отношение разных органов государства к собственному гражданину, доверие к нему и уважение его чувства собственного достоинства.

Литература:

1. Фан И.Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург: УрО РАН, 2006.; Фан И.Б. Многообразие дискурсов гражданственности: проблема единства смысла // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Выпуск 1) – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи». 2006. С. 110–122.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 344.
3. Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006. № 2. С. 9–17.
4. Там же. С. 12.
5. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // Полис. 2006. № 5. С. 119.
6. См.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004.
7. См.: Гудков Л., Дубин В. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2 (29). С. 25–40; Зверева Г. Националистический дискурс и сетевая культура // Там же. С. 6–24.
8. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. С. 376.
9. Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости. 2002. № 25; Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Новые люди в старой системе // Новые известия. 2002. № 170–171.
10. В.Ю. Троицкий. О патриотическом воспитании // <http://www.russia-talk.com/patriot.htm>.
11. И. Курляндский. Над историей кружат грифы // Новая газета на Урале. 21.10.2012. № 117. С. 12–13.
12. http://www.chaskor.ru/article/vremya_bezobrazya_15391.
13. Денис Драгунский. Патриотизм. Они врут, потому что я им не верю // http://www.chaskor.ru/article/patriotism_22679.
14. Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 988.
15. Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М.: 1999. С. 870.

Квятковский К.О.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2011 ГОДА

Квятковский
Кирилл Олегович

соискатель Института философии и права УрО РАН

Политическая блогосфера становится все более значимым элементом системы политической коммуникации современной России. Не являясь полностью автономной сферой, которая существует независимо от политической реальности, блогосфера вместе с тем может рассматриваться как ограниченно автономное пространство, порождающее иные способы означивания и утверждения смыслов. В этой связи плодотворным подходом для изучения политической блогосферы представляется дискурсивный подход, в частности, критический дискурс-анализ.

Критический дискурс-анализ делает предметом анализа борьбу между доминирующим дискурсом, который вынужден постоянно подтверждать свою гегемонию, и альтернативными дискурсами, которые пытаются перестроить, дестабилизировать сложившуюся властную иерархию¹. Представляется возможным использовать методологию критического дискурс-анализа в рамках исследования дискурса политической блогосферы потому, что это метаполе практически всеми участниками политического процесса воспринимается как платформа для борьбы за власть в виртуальном пространстве. В блогосфере неизбежно сталкиваются официальный дискурс и некоторые альтернативные официальному дискурсы. Особенно эта борьба обостряется в предвыборный период.